

— Главарь, как думаешь, сколько денег Империя отвалит нам в этот раз?

Главарь молчал, продолжая хранить глубокомысленное выражение лица. Помощник привык к такому поведению и продолжил рассуждать вслух:

— По мне так сколько территорий ни захватывай, всё мало будет по сравнению с тем, что Империя отдает Федерации. Взять хотя бы Келли. Он был совсем юн, а ведь он самец S-класса. За тысячи лет существования Расы насекомых родился всего один такой уникум, а Империя взяла и отдала его, даже глазом не моргнув.

— Если хочешь замуж, можешь прямо сейчас подать заявку на увольнение из отряда, я немедленно её подпишу, — главарь перестал изображать глубокомыслие и наконец заговорил.

Услышав это, помощник сконфуженно сменил тему:

— Ой! Главарь, смотри, там внизу, кажется, драка началась!

Главарь не удостоил его ответом, лишь насмешливо хмыкнул и вновь погрузился в молчание.

Помощник сделал вид, что очень занят, включил радар и, увеличив изображение с бортового спутника, воскликнул:

— Главарь, внизу действительно бой! Похоже, это Туйсо!

Главарь мельком взглянул на экран, но остался совершенно равнодушен. Туйсо — захолустная планета, и то, что у неё было собственное имя, а не просто порядковый номер, лишь доказывало, что когда-то она процветала. Но это было в прошлом. Теперь же она стала печально известным прибежищем преступников.

Взгляд скользил вниз, пронзая атмосферу, пока не достиг поверхности — заброшенной равнины. Здесь, словно горы, высились контейнеры, образуя огромный естественный лабиринт. Под воздействием времени они утратили свой былой блеск, покрывшись ржавчиной, граффити, слизью и бурыми пятнами разной глубины. В воздухе стоял тяжелый запах железа, проходы были завалены мусором, среди которого кое-где виднелись кости. Здесь не было шумных рынков или толп, лишь гнетущая тишина и запустение.

Внезапно раздался стук — это человеческий череп выкатился на середину дороги. Серый, изрытый выбоинами, он явно пролежал здесь очень долго.

В этой жуткой обстановке из-за темно-красного контейнера показались двое юношей. Их шаги были неровными: то поспешными, то замедленными, словно они от чего-то бежали или кого-то преследовали.

У одного из них были длинные волосы, спутавшимися прядями прилипшие к лицу. Слишком длинная челка скрывала глаза, а на щеках застыли грязь и кровь. Он был одет в широкую толстовку, слишком тонкую для такой погоды. На бледной коже отчетливо выделялись ссадины, а раны на тыльной стороне ладоней уходили под рукава. Кожа вокруг них распухла и покрылась желтоватыми волдырями, из которых сочился гной вперемешку с кровью, стекая по рукам. Коричневые брюки, промокшие насквозь, плотно облепили ноги, голени были сплошь в крови и кровоточащих ранах. Он был бос, и каждый его шаг оставлял на земле красный след.

Его спутник, судя по всему, был без сознания. Его левая рука безвольно висела, с кончиков пальцев капала кровь. Большая часть волос с левой стороны головы выгорела, оставив лишь опаленные клочья. Брови были сурово сдвинуты, глаза прикрыты, лоб покрыт испариной, а бледные губы резко контрастировали со смуглой кожей. Он был одет в черный топ, словно разодранный в клочья, и короткие рваные штаны. За спиной у него виднелись огромные коричневые крылья: правое было слегка сложено, а левое бессильно волочилось по земле.

Он был выше своего спутника. Правой рукой он опирался на плечо товарища, а тот крепко обнимал его за талию, отчего и без того худая фигура казалась еще более сгорбленной. Тусклый свет, отражавшийся от серебристых контейнеров, падал на них, сливая их тени в единое целое.

Юноша с черными волосами с трудом тащил спутника вперед. Его дыхание было тяжелым и прерывистым, словно вырывалось из самой глубины груди. Порыв ветра откинул пряди с его лица, открыв испачканный кровью профиль. Его решительный черный взгляд был прикован к земле, а губы закусены до крови. Он шел не поднимая головы, словно прошел этот путь тысячи раз.

Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем они выбрались из лабиринта контейнеров. Он не остановился, даже когда проскользнул в узкий проем между обломками огромного корабля, и вдалеке показался небольшой челнок с горящими огнями.

Юноша с черными волосами прохрипел:

— Гоэн, ты можешь убрать крылья?

Голос был таким тихим, что его тут же унесло ветром. Он не остановился и не обернулся — боялся увидеть состояние Гоэна. К счастью, тот его услышал: через мгновение крылья сложились, но сам Гоэн окончательно потерял сознание. Когда его обмякшее тело навалилось на Линь Цзэюя, тот пошатнулся и едва не упал.

Его губы задрожали, глаза наполнились слезами, но он не осмелился оглянуться. Снова подхватив Гоэна, он двинулся к челноку.

У входа стояли двое крепких самцов насекомого, ростом под два метра и вдвое шире Гоэна. Похоже, они были братьями. У того, что слева, через все лицо, от лба до носа, тянулся шрам, а глаза были разными — один явно был чужим. Он злобно уставился на юношу. Другой,

прислонившись к косяку, жевал кусок проволоки и лениво скользнул по ним взглядом.

Линь Цзэюй достал из кармана два энергетических камня и протянул шрамированному. Тот внимательно осмотрел их, подбросил на ладони, спрятал в карман и процедил:

— Слишком грязные. С тебя еще два!

Линь Цзэюй поднял голову, помедлил и достал из другого кармана еще два камня.

— Проходите.

Внутри челнока было лишь одно свободное место возле кабины пилота, но никто из пассажиров не решался туда сесть. Линь Цзэюй дотащил Гоэна до свободного угла, опустился на пол и устроил его у себя на коленях, обнимая за талию.

Убедившись, что всё в порядке, Линь Цзэюй не стал отдыхать. Он уставился на свои ноги, погрузившись в оцепенение. Лишь когда он почувствовал, что любопытные взгляды окружающих исчезли, он осторожно осмотрелся. В челноке находилось около шестидесяти особей: крепкие самцы и худые половинчатые самцы. Последних было мало, и на их лицах читались то страх, то полное безразличие.

Салон выглядел обшарпанным, повсюду виднелись пятна неизвестного происхождения и глубокие царапины. Спустя полчаса, когда стало ясно, что больше никто не придет, самец с проволокой во рту закрыл люк и занял свое место.

При взлете Линь Цзэюй едва не выбросило из угла огромной перегрузкой. Он вцепился в поручень за спиной, изо всех сил прижимая к себе Гоэна. Когда тряска прекратилась, он почувствовал, как из ушей потекла кровь, а глаза начали слезиться от сухости и напряжения.

Он медленно поднял руку, но плечо пронзила острая боль, словно мышцы резали лезвиями — плечо вылетело из сустава. Сцепив зубы, Линь Цзэюй повернулся, осторожно нащупал поврежденный сустав и, глубоко вдохнув, резким движением вправил кость на место.

Обессиленный, он привалился к стене. Он был смертельно устал, одежда прилипла к телу от пота. Постепенно он закрыл глаза, но тут же вздрогнул и проснулся. Поспешно взглянув на Гоэна и убедившись, что тот дышит — пусть и слабо, — он снова крепче обнял его. Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем новое чувство невесомости возвестило о прибытии на Хуэйпудунь — планету третьего класса.